Воронин В. А.

УЛЬЯНА ПОДБЕРЕЗСКАЯ: ИСТОРИЯ ЖИЗНИ

Просопографические исследования приобрели немалую популярность в современной исторической науке. Они привлекательны по целому ряду причин. И здесь играет роль не только научная сторона дела. Биографии видных исторических деятелей позволяют весьма успешно популяризировать наши знания о прошлом. Что же касается просопографии как научного подхода, то создание биографий тех или иных исторических лиц открывает большие исследовательские перспективы – хотя бы в плане сравнительного анализа. Причем это касается не только известных исторических личностей, но и тех, кого традиционно принято называть простыми людьми и кто во все эпохи и во всех странах составлял большинство. К сожалению, состояние источников по истории Беларуси приблизительно до середины XVI столетия таково, что мы имеем возможность создавать более или менее полные жизнеописания лишь представителей высшей власти – монархов и виднейших вельмож. Что же касается прочих, то мы знаем о них, как правило, очень мало. Причем это относится и к представителям привилегированных сословий. Тем большую ценность имеют эти редкие данные.

Имя княжны Ульяны Подберезской сегодня известно разве что специалистам-историкам, которые исследуют Великое княжество Литовское – государство, где Ульяна родилась и провела всю свою жизнь. А в XVI веке необычная судьба этой женщины была хорошо известна не только на родине, но и далеко за ее пределами. Однако эта известность имела совершенно особое происхождение. Ульяна не была ни властной королевой вроде ее современницы Боны Сфорца, ни влиятельной королевской любовницей. Не была она также героиней романтической истории вроде истории любви короля Сигизмунда II Августа и другой ее современницы – Барбары Радзивилл. Жизнь Ульяны Подберезской являет собой пример совсем иного рода. Эта женщина посвятила многие годы и колоссальные усилия для того, чтобы отстоять свои собственные права и права своих детей. Однако та воля, энергия и решимость, с которой она это делала, производят не меньшее впечатление, чем неутолимая жажда власти, хитроумные придворные интриги и амурные страсти. Необычная жизнь Ульяны Подберезской представляет интерес не только сама по себе. Она вносит немало нового в наши представления о том,

какими были место и права женщины в обществе Великого княжества Литовского XVI века. И еще – в очередной раз подчеркивает, как много могут значить личные качества человека.

Княжеский род Подберезских (Ямонтовичей-Подберезских) известен с конца XIV века [29, s. 151]. Он вел происхождение от старой литовской племенной знати, однако еще на раннем этапе своей истории тесно связал себя с «рускими» землями Великого княжества Литовского. Уже первый известный представитель рода – князь Ямонт – был православным. Этой же конфессии придерживались и его потомки.

Ямонт был видной фигурой в окружении великого князя литовского Витовта и одно время даже был его смоленским наместником. Однако, значение его потомков в жизни государства неуклонно падало. Если Семен и Михаил, сыновья Ямонта, еще выступали в начале XV столетия в качестве свидетелей международных договоров, то уже их дети намного реже встречаются на страницах исторических документов. Судя по всему, они занимали гораздо более скромное место в обществе. Совсем немного нам известно также об имущественном положении представителей рода. Их земельные владения (села) были разбросаны по разным местностям Беларуси. Насколько позволяют судить документы, Ямонтовичи получили эти земли в основном в качестве пожалований от великих князей литовских. В 70–80-е годы XV века, в результате тяжбы с паном Иваном Ильиничем братья Иван и Федор Ямонтовичи смогли окончательно закрепить за собой село Подберезье [16, s. 1], расположенное в 15 км к северо-востоку от города Друцк (теперь это деревня в Волковичском сельском совете Толочинского района Витебской области). С этого времени князья Ямонтовичи стали называться также Подберезскими.

Вообще говоря, генеалогия князей Подберезских середины – второй половины XV века недостаточно выяснена. Так, автор самого полного и наиболее совершенного на сегодняшний день исследования по генеалогии титулованной знати Великого княжества Литовского Ю. Вольф упомянутых выше Ивана и Федора Ямонтовичей вообще не знает. Он ошибочно определил и личность отца героини данной статьи Ульяны Подберезской, посчитав таковым Яшко (Ямонта) Михайловича [29, s. 153]. Лишь недавно Ян Тенговский доказал, что в действительности Ульяна была дочерью Федора Ямонтовича-Подберезского [27, s. 44]. Его вывод основан на завещании Софьи Подберезской, матери Ульяны, которая называет себя «княгиня Фодоровая Ямонътовича Подъберезькая» [27, s. 48; 6, с. 611]. Добавим, что сохранились и другие документы,

которые уже прямо называют Ульяну Федоровной [3, л. 1об.], а ее родного брата Семена Федоровичем [15, s. 1].

Год и место рождения Ульяны в точности неизвестны. Впервые она упоминается (правда, без указания имени) в духовной грамоте своей матери, княгини Софьи, которая датирована 20 октября 1509 г. Судя по всему, на тот момент она была уже взрослой. Этот и прочие факты, приведенные ниже, указывают на то, что Ульяна появилась на свет, скорее всего, в 80-е годы XV века.

Первым мужем Ульяны Подберезской был Михаил Сенькович – представитель старого полоцкого боярского рода Сеньковичей-Радковичей. Вполне возможно, что основателем рода был тот самый боярин Андрея Полоцкого Радко (Radeke), который погиб во время похода на Дунабург в 1375 году. Герман Вартберг в своей хронике называет его не иначе как «великий боярин из Полоцка» (de Plotzko magnus satrapa) и «начальник короля» (precessor regis) [28, p. 108]. В любом случае, в XV веке Сеньковичи-Радковичи занимали очень высокое положение в среде полоцкого боярства-шляхты. Так, Сенько Радкович был представителем полоцких бояр на переговорах о заключении торгового договора между Полоцком и Ригой в 1478 году [6, с. 356].

Михаил Сенькович в последний раз упоминается в документах конца 1510 – начала 1511 г. [17, p. 205]. По всей видимости, в скором времени он умер. Смерть Михаила оставила Ульяну вдовой, детей у них не было. Через какое-то время Ульяна вышла замуж во второй раз – за Яцко Сеньковича, младшего брата своего первого мужа. В этом браке у них родилось трое сыновей: Григорий, Иван и Семен. Однако вскоре неожиданно выяснилось, что второй брак Ульяны был заключен с нарушением церковного права. В соответствии с его канонами, женщина не могла выйти замуж за брата своего умершего мужа [1, с. 345–346, 349]. Священник совершил ошибку, обвенчав Ульяну и Яцко Сеньковича. Эта ошибка имела для их семьи фатальные последствия. Узнав об обстоятельствах заключения брака, митрополит Иосиф II Солтан (1507–1521/1522) расторг его. Однако, согласно решению митрополита, дети были признаны законными, поскольку их родители были обвенчаны. Кроме того, в судебном решении митрополита было особо подчеркнуто, что сыновья сохраняют все права на движимое и недвижимое имущество своего отца: «къ именьямъ и статком Яцковымъ не маеть нихто ближъшыи быти, толко они». Этот пункт имел принципиально важное значение, поскольку, согласно нормам семейного церковного права, дети, рожденные в запрещенном браке, лишались права наследовать имения своего

отца и носить отцовскую фамилию [1, с. 139]. Одновременно племянники Яцко Сеньковича – Яцко Богданович и Андрей и Григорий Ивашковичи, – письменно признали детей Ульяны и Яцко Сеньковича своими законными братьями (двоюродными). Соответственно, они признали за Григорием, Иваном и Семеном Яцковичами также преимущественные права на имения отца. Яцко Сенькович обратился к великому князю литовскому и королю польскому Сигизмунду I Старому с просьбой подтвердить решения митрополита и племянников относительно его сыновей. Своим привилеем от 30 октября 1518 г. монарх признал эти решения законными [19, p. 65]. Казалось бы, проблема была решена. Однако это было лишь начало долгой и драматичной истории.

Прошло три с половиной года, и ситуация неожиданно изменилась. Вероятнее всего, непосредственным поводом к новому повороту дела стала смерть Яцко Сеньковича – по крайней мере, в приведенном ниже документе от 27 июня 1522 г. он уже назван покойным. Воспользовавшись моментом, в игру вступили другие его родственники. Это были племянник и племянница покойного боярина: сын его сестры господарский дворянин князь Семен Одинцевич и дочь брата Юхна (Олюхна) Ивашковна. Они заявили, что сыновья Яцко Сеньковича «невенъчальные, неправые», и потому якобы именно они, племянники, «к тым именьямъ ближние Яцка Сеньковича, нижли дети».

Трудность положения Ульяны заключалось, среди прочего, в том, что социальный и имущественный статус разведенной женщины не был определен в законодательстве. Причиной этого была, по всей видимости, редкость такого явления, как развод. О нем нет ни слова даже в главном юридическом кодексе государства того времени – Статуте Великого княжества Литовского. Правда, он был введен в действие несколько позже, в 1529 году. Тем не менее, Статут уделяет очень заметное внимание положению женщины. Этому вопросу посвящен один из тринадцати его разделов (четвертый).

Фактически овдовевшая во второй раз Ульяна, тем не менее, не утратила стойкости духа. Она обратилась к монарху с просьбой подтвердить прежнее свое решение. Сигизмунд Старый поручил рассмотрение дела новому митрополиту Иосифу III (1521/1522–1534). Иосиф, очевидно, был очень хорошо знаком с ситуацией, поскольку происходил из полоцкого боярства и до занятия митрополичьей кафедры был полоцким архиепископом. Решение Иосифа III полностью повторяло решение его предшественника – законность детей Ульяны была признана, а права на отцовское наследство закреплены за ними одними. Привилеем

от 27 июня 1522 г. Сигизмунд еще раз подтвердил свое решение и решения обоих митрополитов. К тому моменту один из сыновей Ульяны, Семен, очевидно, уже умер, а королевская грамота была адресована двум другим ее сыновьям – Григорию и Ивану Яцковичам [18, p. 102].

Однако даже повторное королевское решение не положило конец злосчастьям Ульяны. В мае 1525 г. Сигизмунд был вынужден снова обратиться к проблемам вдовы. Ульяна подала сразу несколько жалоб на разных лиц. Прежде всего, у нее явно не сложились отношения с полоцким воеводой – Петром Кишкой. В свое время Яцко Сенькович, второй муж Ульяны, выслужил «на вечность» село Могильное в Полоцком повете. Супруги долгое время беспрепятственно владели этим имением. Однако после смерти Яцко ситуация осложнилась. Местные крестьяне обратились к полоцкому воеводе П. Кишке и заявили, что великий князь и король якобы изменил свое решение, отнял Могильное у Ульяны и вернул его в число государственных владений. Не проверив этой информации, Кишка отнял Могильное у Ульяны. Свою вторую жалобу вдова подала на Семена Одинцевича, который не оставлял попыток поживиться за счет Ульяны и ее несовершеннолетних детей, своих двоюродных братьев. Сыновья Подберезской владели селом Семеновским, которое было купленым имением. Воевода П. Кишка – очевидно, с подачи Одинцевича – отнял Семеновское вместе с купчими грамотами на него у несовершеннолетних владельцев и передал Одинцевичу. Причем воевода даже провел процедуру «ввязания» Одинцевича во владение имением, что делало его законным собственником. И, наконец, Ульяна обратилась к королю с более общей просьбой защитить права собственности ее детей. Вдова пожаловалась, что некоторые соседи пытаются отнять имения ее сыновей. Но поскольку сыновья еще малы и в силу этого не могут самостоятельно вести судебные дела, соседи подают в суд на нее и пытаются «под нею» отсудить земли ее детей. Она же «не мает(ь) моцы именеи и людеи и земль детеи своих никому протягивати» – то есть не имеет права вести судебные дела относительно имений своих сыновей, поскольку это может привести к утрате их собственности. В связи с этим Ульяна просила короля избавить ее от вызовов в любые суды по поводу имений ее детей до тех пор, пока эти дети не достигнут совершеннолетия. Позиция вдовы состояла в том, что она не имеет права и не желает вести судебные дела об имениях своих сыновей, поскольку эти имения являются для нее фактически чужими.

По всем вопросам Сигизмунд Старый стал на сторону Ульяны [21, p. 310–311]. Он приказал Кишке вернуть ей село Могильное и предписал

ему больше не посылать туда своих урядников ни по какому поводу. Королевское решение о селе Семеновском было еще более жестким. Семен Одинцевич должен был вернуть вдове собственность и документы, а если он откажется это сделать, то великокняжеский урядник получил право отнять у него все это даже силой. Монарх издал документ, по которому Ульяна освобождалась от вызовов в любые суды по поводу имений сыновей до тех пор, пока те «летъ своих доростуть». И тогда они уже сами смогут выступать в качестве ответчиков по имущественным искам, если таковые будут поданы. Наконец, король назначил Ульяне опекуна – витебского воеводу Ивана Богдановича Сопегу, «абы не дал никому безъправне еи кривдъ чинити». Выбор опекуна был обусловлен, очевидно, географическим фактором. Отношения Ульяны с полоцким воеводой Петром Кишкой были напряженными, поэтому ее опекуном стал глава соседнего витебского региона. Правда, этот выбор оказался не слишком удачным: И. Б. Сопега остро конфликтовал с влиятельной и мстительной королевой Боной [26, s. 619, 620]. В 1529 г. она добилась отрешения его от должности витебского воеводы, а позже – и от всех остальных важнейших должностей.

Ульяне довелось приложить немало усилий и проявить всю свою решимость, чтобы добиться такого результата. По всей видимости, для разрешения этих своих проблем она совершила поездку в столицу Польского королевства, где в то время находился двор монарха. Все четыре документа, посвященных делу Ульяны, вписаны в Метрике Великого княжества Литовского в группе актов, которые были изданы в Кракове. А в двух из этих четырех актов Краков конкретно назван местом их издания [21, p. 310, 311].

Прошло еще три года с небольшим, и Ульяне снова пришлось обращаться в высшие судебные инстанции. Вдова воспользовалась тем, что весной 1528 года, после долгого пребывания в Польше, Сигизмунд Старый приехал в Великое княжество Литовское, и обратилась к нему за помощью. В июле она просила господаря еще раз подтвердить ей и ее детям имущественные права на некоторые земли – имения Погост и Могильное. За время вдовства Ульяны Погост опустел, и полоцкий воевода П. Кишка передал его путному слуге Кузьме Смольнянину. А Могильное, как оказалось, Кишка так и не вернул Ульяне. И это несмотря на то, что в 1525 г. Сигизмунд принял соответствующее решение, и господарский дворянин даже «ввязал» вдову во владение этим имением. В результате, Сигизмунд приказал вернуть оба владения Ульяне и ее сыновьям [21, p. 265–266].

Но гораздо более серьезным испытанием стал для Ульяны суд господаря и панов-рады Великого княжества Литовского, который заседал в Вильно 3 ноября 1528 года. Женщина снова обратилась к Сигизмунду за правосудием. Особую значимость и широкую известность придавало делу то обстоятельство, что именно в это время в Вильно проходил общегосударственный сейм. В столицу съехались виднейшие представители знати со всех концов огромной страны. Ульяна выбрала для своей жалобы не слишком значительный, на первый взгляд, повод. Она обвинила Семена Одинцевича в том, что тот отнял у нее и ее детей имение Семеновское (как выясняется, и в этом случае королевское решение 1525 г. не возымело действия). Однако все понимали, что реальный масштаб и реальное значение дела будут иными. Действительно, на суде ответчик традиционно заявил о том, что Ульяна и ее дети не имеют права не только на это имение, но и на всю остальную собственность Яцко Сеньковича. В качестве аргумента из уст Семена снова прозвучало утверждение о том, что дети Яцко и Ульяны – незаконные. Ульяне опять пришлось рассказывать в суде всю свою историю. Можно себе представить, каким было психологическое состояние женщины и что она чувствовала в те минуты. Но Ульяна явно не упала духом и упорно боролась. Среди прочего, она пригласила на заседание одного из племянников своего бывшего мужа. Андрей Ивашкович Сенькович подтвердил, что признает Григория и Ивана законными детьми Яцко Сеньковича, «приймуючы их собе за братью». На суде также выяснилось, что Григорий и Иван Яцковичи посылали в Константинополь к патриарху с тем, чтобы он рассмотрел их непростое дело. По всей видимости, это обращение Яцковичей было направлено в Царьград при активном участии или даже по инициативе Ульяны. Из многочисленных судебных дел следует, что мать имела сильнейшее влияние на сыновей. Даже тогда, когда Григорий и Иван были уже вполне взрослыми, они по-прежнему выступали в судах вместе с матерью как один субъект правовых отношений. А во второй половине 1520-х годов они были совсем еще юными. Патриарх Иеремия I (1522–1545) подтвердил прежние решения митрополитов и короля. Он издал и собственную грамоту, в которой констатировалось, что Григорий и Иван «мають правыми дедичми и отчычами къ именьямъ и статком и спадком отца своего Яцковым быти». Ульяна предъявила суду и этот документ. Семен Одинцевич заявил о намерении оспаривать решение патриарха.

Однако мнение высокого суда было однозначным. Господарь и паны-рада оставили в силе все прежние постановления как светских,

так и духовных властей: «намъ нельзе таковых судовъ переставъляти…». Григорий и Иван еще раз были признаны законными детьми Яцко Сеньковича и получили полное право на отцовские имения – они и их потомки. Что же касается Семена Одинцевича и других их родственников, то им было строго запрещено обращаться в любые судебные инстанции, в том числе и в Константинополь. Король и рада «велили … имъ в том вечное молчанье мети, и дати и[м] в томъ покой» [22, p. 85–87; 23, p. 268–270].

Тем не менее, отдаленные отголоски этого громкого дела были еще долго слышны. Так, например, имели свое продолжение имущественные тяжбы Ульяны. Она вела эти тяжбы против разных лиц уже совместно со своими сыновьями. И им довелось потратить еще немало времени и сил для того, чтобы закрепить за собой право собственности на имения мужа и отца – Яцко Сеньковича. Не откладывая дело в долгий ящик, уже 2 марта 1529 г. Ульяна и ее дети обратились к Сигизмунду с просьбой подтвердить им права на «отчызну» рода Сеньковичей, село Погост. Король удовлетворил эту просьбу – Погост был подтвержден Ульяне и ее сыновьям «на вечность». На этот раз просьбу Ульяны подкрепил своим ходатайством воевода Петр Кишка [20, p. 544]. Однако у Ульяны и ее детей оставалось к нему еще много претензий. В марте 1534 г. они вновь подали Сигизмунду жалобу на притеснения со стороны П. Кишки, который на тот момент был уже трокским каштеляном и жемайтским старостой. За время своего полоцкого воеводства Кишка купил в Полоцкой земле немало крупных имений. На этот раз Ульяна жаловалась на Кишку в связи с тем, что он якобы незаконно отнял у нее имения Селедцово и Освею и присоединил к своим землям. Согласно поданной жалобе, вельможа ей также «шкоды и грабежы великие почынилъ». Однако, король отложил рассмотрение дела, поскольку был в то время занят «великими а пильными справами» – шла подготовка к войне с Москвой [24, p. 117; 2, с. 90–91]. Сложно сказать, насколько обоснованными были эти претензии Ульяны, но Кишка владел Освеей еще по крайней мере с 1530 г., когда получил от Сигизмунда право основать здесь местечко. Возможно, конфликт и был связан с изданием этого королевского привилея: местечки имели статус особого поселения и в силу этого могли быть конкурентами соседним селам. Не исключено также, что возник спор о границах владений. Такие споры между землевладельцами были частым явлением.

Многочисленные имущественные тяжбы, которые пришлось вести Ульяне, научили ее самому внимательному и аккуратному отношению

к вопросам собственности. В июне 1537 г. она провела разграничение своих имений Обольцы, Дохнары и Пресеменец в центральной части Полоцкого воеводства с владениями соседей – Михаила Стрежа и Саввы Бернищева [3, л. 1об., 6об.].

Вообще же нужно отметить, что Ульяна и ее дети располагали довольно большими земельными владениями. Так, согласно «попису земскому» 1528 г., «пани Михаиловая Сенковича» была обязана выставлять в войско 14 всадников [4, с. 154]. В силу этого ее можно отнести к числу самых значительных землевладельцев Полоцкой земли. Из них только один человек выставлял 33 всадника, тогда как все остальные – не более чем по 19. В дальнейшем же земельная собственность Ульяны и ее сыновей еще более увеличилась.

В конце 30-х годов немолодая уже Ульяна решила уйти в монастырь. Известительная королевская грамота, датированная 29 апреля 1539 г., сообщает о том, что должность игуменьи известнейшего полоцкого Спасо-Преображенского женского монастыря получила местная боярыня Михайловая Сеньковича. В документе отмечено также, что за Ульяну просили полоцкий воевода Ян Глебович, полоцкий православный архиепископ Симеон и местные бояре [8, л. 275]. Очевидно, что Ульяна пользовалась немалым авторитетом в этой среде. Она была хорошо известна и в придворных кругах – и это, несомненно, также помогло получить ей этот очень почетный «хлеб духовный». Правда, не совсем понятно, постриглась ли Ульяна к тому моменту в монашество. В дальнейшем она по-прежнему нередко выступала в документах как «полоцкая боярыня пани Михайловая Сеньковича». Это может означать, что еще, по крайней мере, некоторое время Ульяна была светским лицом. В XVI веке в Великом княжестве Литовском были известны случаи, когда православные монастыри передавались в управление светским лицам, которые получали права настоятелей.

Ульяна принадлежала к последнему поколению рода Ямонтовичей-Подберезских. У нее был лишь один брат Семен. Он достаточно часто упоминается в документах первых сорока лет XVI века. Несмотря на службу при великокняжеском дворе, Семен Ямонтович не сделал большой карьеры. Лишь в 20-е – 30-е годы он занимал довольно скромную должность керновского державцы, а в 1526 г. получил в держание две небольшие волости на Витебщине – Усвят и Озерище. Семен Подберезский умер в 1540 г. После него осталась вдова – Федора (Федя) Богдановна, урожденная княжна Жеславская. Детей у них не было. Через несколько месяцев после смерти Семена Ямонтовича Федя во второй

раз вышла замуж – за князя Андрея Одинцевича, сына неоднократно упоминавшегося выше Семена Одинцевича. Имения своего первого мужа она оставила за собой.

В марте 1541 г. Ульяна вместе с сыновьями обратилась в суд панов-рады. Она заявила, что княгиня Федя Богдановна незаконно удерживает имения ее брата и что эти имения по закону должны перейти к ней как к ближайшей родственнице покойного [25, p. 158, 160–161]. В жизни Ульяны произошел поразительный поворот. Из жертвы она неожиданно превратилась в хищницу. Причем действовала она по отношению к своей невестке очень жестко – так же, как в свое время действовали родственники по отношению к ней. Очевидно, Ульяне было прекрасно известно то, что действовавший на тот момент Первый Статут Великого княжества Литовского предусматривал всего две возможности обеспечить материальное положение бездетной вдовы. Согласно первой, женщина оставалась с тем имуществом, которое ей записал муж в качестве вена. Остальные имения она должна была вернуть родственникам покойного супруга. В соответствии со второй возможностью, бездетная вдова могла «сидеть» лишь на третьей части имений покойного мужа, если он ничего не записал ей «в вене». Остальные две трети земель она обязана была вернуть ближайшей родне супруга. В случае же нового замужества она должна была отдать родственникам покойного мужа и оставшуюся треть. Перечисленные положения четко прописаны в статьях 2 и 5 четвертого раздела Статута 1529 года. По закону, у бездетной вдовы не было практически никаких шансов сохранить за собой все имения умершего мужа. В лучшем случае, она могла претендовать лишь на их треть – согласно дополнительной статье Первого Статута, вено также было ограничено третьей частью имений мужа.

По-настоящему впечатляет та оперативность и та методичность, с которой действовала Ульяна. Брак между Федей Богдановной и Андреем Одинцевичем был заключен 2 января 1541 г. в местечке Басея недалеко от Орши. В течение каких-то нескольких недель Ульяна обратилась в суд, и уже 22 февраля была оформлена королевская судебная повестка на имя Феди Богдановны. Кстати, это была уже вторая такая повестка – первая была подписана еще раньше. 16 марта Ульяна вместе с сыновьями явилась на судебное заседание панов-рады, однако суд не состоялся из-за того, что Федя сказалась больной. В соответствии с законом, суд был перенесен на более поздний срок. Ульяна оставила свою повестку в суде с тем, чтобы ее копия была внесена в судебные книги. Однако в скором времени слуга княгини Феди Богдановны забрал оттуда этот до-

кумент. При этом Федя утверждала, что она об этом ничего не знает, а ее слуга мог действовать якобы по собственной инициативе. Тогда 19 марта Ульяна направила в суд своего сына Григория, который и изложил там все эти события. Федя Богдановна была вынуждена передать в суд свою повестку, копия которой в результате и была внесена в судебные книги. Кроме того, Ульяна успела позаботиться о безопасности священника, который венчал Федору Подберезскую и Андрея Одинцевича. Дело в том, что молодожены, заинтересованные в том, чтобы их брак оставался тайным, стали угрожать священнику. Тогда тот обратился за помощью к Ульяне и получил от нее эту помощь: некоторое время он скрывался при дворе игуменьи, среди ее челяди. По настоянию Ульяны и полоцкого владыки Симеона священник явился в суд и поведал всю эту неприятную историю. По всей видимости, Ульяна получила информацию о втором браке своей бывшей невестки именно от него. По настоянию Ульяны суд назначил большой штраф (заруку), которым будут наказаны Федора и Андрей Одинцевичи в случае, если они продолжат преследовать священника [25, p. 158, 160–161].

Среди всего прочего, обращает на себя внимание то, что Ульяна действовала юридически очень грамотно. Все ее шаги и все требования строго соответствовали законодательству и всегда были подкреплены документами. Многочисленные судебные разбирательства сделали из Ульяны опытного знатока действующих законов, и она умело пользовалась своими правами. Бросается в глаза и то обстоятельство, что в судебных делах Ульяна никогда не выступала как ответчица, а только как истица. В смелости, решительности и инициативности ей никак нельзя отказать.

Жалоба Ульяны и ее сыновей на бывшую невестку была рассмотрена на судебном заседании панов-рады 25 июня 1541 г. Истцы предъявила Федоре Богдановне претензии на все имения ее покойного мужа, а также на его движимую собственность. Ульяна и ее сыновья имели на это полное право. Однако неожиданно дело приняло крайне нежелательный для Ульяны оборот. Федя предъявила суду «веновный лист» своего первого мужа, датированный еще 20 ноября 1533 г. Этим документом Семен Подберезский отписал жене третью часть всех своих имений, «ничого на себе ани на жадных близких моих не оставляючи». Князь оценил эту третью часть в тысячу коп грошей – очень большие по тем временам деньги. В эту сумму он включил и приданое, которое получил за Федорой – пятьсот коп. В вено Феди вошли достаточно большие и богатые имения, среди которых были, в частности, села Подберезье

и Басея, а также часть князя Семена в Друцке. Любопытно, что в веновном листе было специально оговорено, что Федора, в случае смерти Семена, сможет пойти с этими имениями замуж. Ульяна пыталась оспорить сумму, однако судьи признали, что грамота Семена Ямонтовича составлена в соответствии с законом. Таким образом, они признали за Федей право на третью часть имений покойного мужа или на их выкуп у вдовы ближайшими родственниками князя за сумму, указанную в его веновном листе. Судьи вынесли решение провести через четыре недели раздел имений Семена Подберезского, по которому Ульяне и ее сыновьям должны быть выделены две трети имений, а Федоре – одна треть. Ульяна не стала оспаривать это решение, однако выразила намерение выкупить часть Федоры – как и было предусмотрено, за тысячу коп грошей [9, л. 86об.–88об.]. К сожалению, мы в точности не знаем, был ли произведен раздел или были заплачены деньги. Однако, судя по тому, что Подберезье в дальнейшем оказалась в руках детей Ульяны, мать и сыновья все-таки выкупили свою «отчину и дедину».

5 мая 1542 г. Ульяна передала все свои имения сыновьям, отказавшись от наследственных прав на них. В свою очередь, Григорий и Иван Яцковичи отдали матери несколько сел в пожизненное владение. Это были, в частности, села Дохнары, Обольцы и Пресеменец в Полоцкой земле. Интересно, что в соответствующем документе Григорий и Иван Яцковичи выступают уже с фамилией Подберезские [3, л. 39]. Таким образом, Подберезье на тот момент уже несомненно находилось в их руках. С другой стороны, приняв фамилию от дедовского княжеского имения, сыновья Ульяны тем самым стремились подчеркнуть свое происхождение от старинного княжеского рода, укрепить престиж своей семьи. Но, разумеется, на княжеский титул они претендовать уже не могли. 9 июля 1542 г. братья разделили между собой доставшиеся от матери имения [29, s. 152–153]. Однако вскоре отношения между Григорием и Иваном испортились. В 1547 г. они уже судились за имения Басею и Козечицы [29, s. 153, 672–673].

Спасо-Преображенский монастырь, настоятельницей которого в 1539 г. стала Ульяна, был одним из древнейших и, пожалуй, самым известным полоцким монастырем. В первой половине XVI века обитель процветала. В 1552 г. была проведена большая ревизия Полоцкого повета. Были описаны также церковные земли, и среди них – «манастыр Светого Спаса, который заведаеть игуменья полоцъкая инока Ульяна» [5, с. 167–170]. На тот момент монастырь владел многочисленными селами в Полоцкой земле, в которых жило 299 «дымов» крестьян. Все

остальные полоцкие обители по этому показателю сильно уступали Спасскому монастырю.

К сожалению, мы очень мало знаем о деятельности Ульяны в качестве спасской игуменьи и не можем сказать, какой вклад она внесла в благосостояние монастыря. Однако Ульяна наверняка поддерживала монастырь из своих личных средств. Например, среди владений Спасского монастыря в 1552 г. значится село «на Оболи». Село с таким названием (Обольцы) было и среди личных имений Ульяны. Кроме того, точно известно, что Ульяна делала вклады в другие монастыри. Так, она записала еще одному полоцкому монастырю – Михайловскому Городецкому – трех человек с землями в своем селе «на Оболи» [5, с. 172]. Вряд ли, делая вклады в другие монастыри, она обошла бы свой собственный.

В то время Ульяне было уже немало лет, жизнь ее близилась к закату. Сан спасской игуменьи был очень привлекательным «хлебом духовным», и претендентки на него определились еще при жизни Ульяны. Сначала это была вдова господарского дворянина Тиши Быковского полоцкая боярыня Федя Галенчанка. Она обратилась к великому князю и королю Сигизмунду II Августу с сообщением о том, что игуменья Ульяна «вжо естъ в старости летъ своихъ и въ немалой форобе», и с просьбой пожаловать ей должность спасской игуменьи после смерти Ульяны. 8 июля 1551 г. Сигизмунд Август издал соответствующий привилей [10, л. 20–20об.]. Однако претендентка умерла, так и не дождавшись своей очереди. Тем не менее, очень скоро появилась новая кандидатура. Королевский дворянин Михаил Мышка бил челом Сигизмунду Августу, чтобы эта должность была передана его матери Анне Хребтовне – снова-таки, после смерти Ульяны. И на этот раз господарь удовлетворил поданную просьбу: 18 января 1554 г. Анна Хребтовна получила желаемый привилей [10, л. 155об.–156].

Ульяна завершала свои последние земные дела. 23 июня 1555 г. она отписала свои имения Дохнары, Обольцы и Пресеменец «в вечное владение» сыну Ивану Яцковичу. В пересказе этого акта отмечено, что игуменья подписала соответствующий документ перед смертью («przed swoim z tego swiata zeysciem») [3, л. 39]. По всей видимости, этим документом была духовная грамота Ульяны. К сожалению, мы не знаем ее полного текста, но какую-то часть последнего имущества матери, очевидно, получил и второй ее сын – Григорий. Из грамоты Сигизмунда II Августа, которая была издана в ноябре 1555 г., мы узнаем, что Ульяна «для старости летъ своихъ» уже не могла управлять монастырем и оставила

должность игуменьи. Как и было предусмотрено, ее преемницей стала Анна Хребтовна [10, л. 242об.–243об.].

В скором времени Ульяна умерла. Судя по всему, это произошло в конце 1555 либо в начале 1556 г. Во всяком случае, указание на смерть Ульяны содержится в судебном постановлении панов-рады по делу ее сына Ивана Яцковича от 26 мая 1556 г. [11, л. 45об.].

В заключение несколько слов о том, как сложилась судьба сыновей Ульяны. Старший сын, Григорий Яцкович служил господарским дворянином. В результате раздела наследственных земель он получил принадлежавшее его дяде имение Подберезье и ряд других сел. По своему главному владению Григорий стал называться Подберезским. Его земли лежали в основном за границами Полоцкой земли. Именно по этой причине Григорий Подберезский выставлял в войско со своих полоцких сел всего лишь 2 всадников, о чем мы узнаем из ревизии 1552 года [5, с. 123]. В 1548 и 1549 гг. Григорий Яцкович отстаивал на монаршем суде свое право держать по годам замок Друцк. Такой порядок держания был определен представителями всех ветвей княжеского рода Друцких. Однако Друцкие не посчитали Григория членом своего рода. Он не участвовал в этом соглашении и, соответственно, не был включен в число тех, кто должен был держать друцкий замок. Григорий же обосновывал свои права тем, что часть Друцка досталась ему «правомъ прироженымъ по дядьку его». Дело в том, что его дядя князь Семен Ямонтович-Подберезский первым браком был женат на княжне Домниде Друцкой-Соколинской [29, s. 64, 673; 13, л. 267–267об.]. От старшего сына Ульяны ведет свое происхождение шляхетский род Подберезских.

Иван Яцкович, младший сын Ульяны, получил имения в основном в Полоцкой земле. По всей видимости, из-за конфликта с братом и в результате раздела имений он отказался от фамилии Подберезский. По одному из этих имений, Стрежову Иван Яцкович стал называться Стрежовским (Стрежевским) [29, s. 673]. В 1552 г. он выставлял со своих имений 10 всадников и, по местным меркам, был достаточно богатым человеком [5, с. 122]. В 1556 г. Ивану снова довелось судиться с крестьянами села Могильна. Но и на этот раз могильняне не смогли доказать свои права на статус государственных крестьян, в связи с чем были присуждены И. Стрежевскому [11, л. 42об.–45об.]. В том же году Ивану пришлось отстаивать также свои права на Водву – имение, которое принадлежало еще его матери [14, л. 152об.]. Интересно, что Ивану в своей жизни также пришлось столкнуться с серьезными матримониальными проблемами. Официальный документ, датированный 1 мая 1558 г., на-

зывает Ивана Стрежевского покойным [12, л. 285]. В точности неизвестно, что с ним случилось и почему его посчитали умершим, однако, как выяснилось позже, Иван не умер, а попал в московский плен [29, s. 290, 673]. Тем временем его жена Елена Васильевна, которая происходила из знаменитого полоцкого боярского рода Корсаков, снова вышла замуж – за полоцкого боярина Яцко Быстрейского – и начала распоряжаться имуществом своего первого мужа. У Ивана Стрежевского и Елены Корсаковны были дочери Авдотья и Людмила, которые вместе с матерью и поделили отцовские имения [12, л. 284об.–285об.]. В 1569 году или чуть ранее Иван Стрежевский вышел из плена [29, s. 290, 673]. О дальнейшем развитии этих интригующих событий и судьбе самого Ивана Стрежевского мы, к сожалению, ничего в точности не знаем. Но вероятнее всего, Иван Яцкович был основателем шляхетского рода Стрежевских, представители которого владели землями, в частности, в Новогрудском воеводстве [29, s. 673].

Удивительная жизнь Ульяны Подберезской рисует ее как яркую, волевую личность. Эти качества, разумеется, можно отнести к индивидуальным чертам ее характера. Однако стоит помнить, что Ульяна происходила из определенной социальной среды – а именно, княжеской. Здесь, очевидно, уже на уровне семьи и с детских лет культивировали осознание особого статуса и особой роли этого высшего слоя знати – в том числе и молодых княжон. Деятельный характер и социальная активность Ульяны относились к чертам, которые отличали и других знаменитых женщин того времени. В этом смысле Ульяну Подберезскую вполне можно отнести к типажам, характерным для эпохи Возрождения. Однако, видимо, было бы слишком большим упрощением и даже ошибкой связывать особенности ее личности только с той знаменитой эпохой. По наблюдениям Н. Л. Пушкаревой, эти же качества были свойственны также известным женщинам древнерусского времени [7, с. 65, 67]. Что стоит особо отметить для Ульяны как для женщины XVI столетия и уроженки Великого княжества Литовского, – так это высокий уровень правосознания. Именно он, наряду с прочими качествами, помог урожденной княжне Подберезской сохранить свое место в обществе, отстоять свои законные права и законные права своих детей.

Список литературы

1. Горчаков, М. И. О тайне супружества. Происхождение, историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й (по спискам патриархов Иосифа и Никона 51-й) главы печатной Кормчей книги / М. И. Горчаков. – СПб.: Типография В. С. Балашева, 1880. – IV+384+54 с.

2. Максимейко, Н. А. Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г./ Н. А. Максимейко. – Харьков: Типография А. Дарре, 1902. – IV+205 с.

3. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1943. – Оп. 1. – Ед. хр. 10.

4. Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 523. Кн. Публічных спраў 1 / Падрыхт. А. І. Груша, М. Ф. Спірыдонаў, М. А. Вайтовіч. – Мінск: Беларуская навука, 2003. – 444 с.

5. Полоцкая ревизия 1552 года / Подг. к изд. И. И. Лаппо. – М.: Университетская типография, 1905. – XXI+236 с.

6. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. Т. 1 / Подг. В. А. Воронин, А. И. Груша, А. А. Жлутко, Е. Р. Сквайрс, А. Г. Тюльпин; отв. ред. А. Л. Хорошкевич, зам. отв. ред. С. В. Полехов. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. – 864 с.

7. Пушкарева, Н. Л. Женщины Древней Руси / Н. Л. Пушкарева. – М.: Мысль, 1989. – 286 с.

8. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 389. – Оп. 1. – Ед. хр. 20.

9. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 389. – Оп. 1. – Ед. хр. 27.

10. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 389. – Оп. 1. – Ед. хр. 35.

11. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 389. – Оп. 1. – Ед. хр. 38.

12. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 389. – Оп. 1. – Ед. хр. 40.

13. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 389. – Оп. 1. – Ед. хр. 237.

14. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 389. – Оп. 1. – Ед. хр. 248.

15. Archiwum Główne Akt Dawnych. – Archiwum Radzyńskie Potockich. – Nr 300.

16. Archiwum Główne Akt Dawnych. – Zbiór Dokumentów Pergaminowych. – Nr 8415.

17. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. Kn. 7 (1506–1539): Užrašymų knyga 7 / Lietuvos istorijos institutas; par. I. Ilarienė, L. Karalius ir D. Antanavičius. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2011. – XXX+1012 p.

18. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. Kn. 10 (1440–1523): Užrašymų knyga 10 / Lietuvos istorijos institutas; par. E. Banionis ir A. Baliulis. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1997. – 179 p.

19. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. – Kn. 11 (1518–1523): Užrašymų knyga 11 / Lietuvos istorijos institutas; par. A. Dubonis. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1997. – 228 p.

20. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. – Kn. 12 (1522–1529): Užrašymų knyga 12 / Lietuvos istorijos institutas; par. D. Antanavičius ir A. Baliulis. – Vilnius: Žara, 2001. – 854 p.

21. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. Kn. 14 (1524–1529): Užrašymų knyga 14 / Lietuvos istorijos institutas; par. L. Karalius ir D. Antanavičius. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – 646 p.

22. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. – Kn. 15 (1528–1538): Užrašymų knyga 15 / Lietuvos istorijos institutas; par. A. Dubonis. – Vilnius: Žara, 2002. – 446 p.

23. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. – Kn. 224 (1522–1530): 4-oji Teismų bylų knyga / Vilniaus universitetas; par. S. Lazutka, I. Valikonytė ir kt. – Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 1997. – CXLVIII+514 p.

24. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. – Kn. 227 (1533–1535): 8-oji Teismų bylų knyga / Vilniaus universitetas; par. I. Valikonytė, St. Lazutka ir N. Šlimienė. – Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 1999. – XCIV+305 p.

25. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. – Kn. 229 (1540–1541): 10-oji Teismų bylų knyga / Vilniaus universitetas; par. St. Lazutka, I. Valikonytė ir S. Viskantaitė-Saviščevienė. – Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2003. – LXVII+264 p.

26. Michalewiczowa, M. Sapieha Iwan / M. Michalewiczowa // Polski Słownik Biograficzny. T. XXXIV. Zesz. 5 (143). – Wrocław–Warszawa–Kraków: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1993. – S. 618–621.

27. Tęgowski, J. Kilka słów o rodowodzie kniaziów Jamontowiczów Podbereskich w świetle nowych źródeł / J. Tęgowski // Zapiski Historyczne. T. LXXX. – 2015. – Zesz. 3. – S. 39–50.

28. Vartberge, Hesrmannus de. Chronicon Livoniae / Hermannus de Vartberge // Scriptores Rerum Prussicarum. Bd. 2 / Hrsg. von E. Strehlke. – Leipzig, 1863. – P. 21–116.

29. Wolff, J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku / J. Wolff. – Warszawa: Druk J. Filipowicza, 1895. – XXV+698 s.